

Журналист – это мишень

Профессия журналиста давно признана одной из самых опасных в мире. Представители СМИ всегда там, где накалены страсти – в очагах боевых действий, на митингах и дебатах. Мы встретились с председателем Союза журналистов России, в качестве военного корреспондента прошедшего семь войн, Владимиром Геннадьевичем СОЛОВЬЕВЫМ (не путать с известным телеведущим Владимиром Рудольфовичем СОЛОВЬЕВЫМ). Разговор шел о работе прессы в условиях проведения военной спецоперации на Украине.

Охота на журналистов

– Не так давно Владимир Путин заявил, что в условиях проведения военной спецоперации на Украине государство делает все для защиты журналистов. Кто будет заниматься охраной представителей СМИ: может, такая структура появится в Союзе журналистов?

– Формулировка у президента была такая, что к каждому журналисту не приставить сотрудника ФСО, или ФСБ, или полицейского. Это произошло после прелюбования в Москве покушения на моего тезку и однофамильца телеведущего Владимира РУДОЛЬФОВИЧА Соловьёва. Во-первых, надо поблагодарить сотрудников спецслужб, которые так четко выявили и смогли задержать эту группу. Во-вторых, я понимаю, что сейчас работать журналистом очень непросто, и непросто тем, кто свой профессиональный долг выполняет в районе боевых действий, но и тем, кто здесь, в студиях, что называется, в тылу. В отношении их тоже раздается угрозы.

И угрозы эти – часть такого большого плана, который применялся во время оранжевых революций в разных странах. Как пример могу сказать, что наши коллеги из Белоруссии говорили мне, что некоторые из них просто ходят с оружием, спят с пистолетом под подушкой, потому что угрозы в адрес журналистов, работающих на государственных каналах и в газетах, раздавались самые страшные и отвратительные, что убьют их самих, убьют детей, писали что-то на дверях – это часть такой психологической войны, чтобы другую сторону дезориентировать или напугать. И вот эта история сейчас продолжается с украинской стороны: идут угрозы в адрес многих наших журналистов, я это знаю, мне коллеги говорят. Ну и да, даже присылают группы для их ликвидации.

В свое время, кстати, была отправлена группа для ликвидации Григория Азарёна в Белоруссию, тоже известный там журналист, который жегет не менее серьезным напалмом, чем Владимир Рудольфович (Соловьёв). – Прим. ред.

Что касается охраны. Я сам работал много лет на федеральных телеканалах и знаю, что в крупных корпорациях, таких как Первый канал, «Россия», НТВ, существует собственная служба безопасности. Уверен, что самых известных медийных личностей эта служба охраняет. Даже есть снимки, где тот же Владимир Рудольфович Соловьёв бегает трусой, он

любит по утрам бегать, и с ним кто-то рядом бежит. В данной ситуации, конечно, надо не расслабляться, надо понимать, что угроза может быть даже на соседней улице.

– Известно, сколько сегодня журналистов работает в зоне боевых действий?

– Мы не считали. Но практически со всех больших каналов там постоянно присутствуют съемочные группы, и идет ротация, чтобы люди могли отдохнуть. Например, с «России» – а это холдинг один из самых больших в Европе – работают постоянно три группы.

Вот Николай Долгачёв, например, в Луганской области, Александр Сладков – в Мариуполе, кто-то еще – в Донецке, Евгений Поддубный – под Киевом. То же самое на Первом канале, на НТВ. Из многих газет есть фотокорреспонденты, корреспонденты.

И со стороны украинцев работают, я думаю, сотни западных журналистов, аудитория которых, по некоторым подсчетам, около полумиллиарда в общей сложности. И они, конечно, неохотно едут на другую, российскую, сторону, хотя сейчас попытки предпринимаются коллегами из дружественных нам стран.

Недавно я общался с председателем Союза журналистов Республики Сербской Боснии и Герцеговины Даниелом Симичем. Он работал в Мариуполе, работал под Донецком. Несколько французских тележурналистов приезжали в Донецк. А сейчас, по-моему, уже третий или четвертый автобус организовывается, и едут целые группы иностранных журналистов. Так что потихоньку пробивается информация и с этой стороны.

– Вы много лет работали в Югославии. Там тоже шла война. Отличается подача материала тогда и сейчас?

– Конечно, отличается. Во-первых, это скорость передачи информации – когда мы там работали, не было Интернета и не было мобильных телефонов. Сейчас уже трудно представить, что такое было в нашей жизни. Поэтому наша съемочная группа могла уехать на несколько дней в командировку, и никто не знал, где мы находимся. Только по возвращении монтировали и передавали материалы.

Во-вторых, тогда мы были сторонними наблюдателями. Наша страна не считалась участником конфликта. К русским все стороны относились хорошо. С разной степенью любви – с большей степенью сербы, с меньшей – хорваты и боснийские мусульмане, но тем не менее, Россия все уважала. И то, что тогда погибли Виктор Ногин и Геннадий Куренной (съемочная группа Центрального телевидения СССР. – Прим. ред.), которых мы заменили с Анатолием Кляном, это была чудовищная трагическая случайность. Ну а в данном случае российских журналистов украинские военные считают стороной конфликта, за ними охотятся, постоянно звучат проклятия в их адрес и желание их каким-то образом ликвидировать.

Даже мы не рекомендуем носить сейчас нашивки «Пресса», потому что именно в эту нашивку и целются снайперы. Сейчас журналист – это мишень.

“ Ребята, берегите себя, вернитесь домой здоровыми и живыми. Я хочу сказать, что ни один репортаж не стоит жизни

– В Югославии какой момент для вас лично стал самым острым?

– Моментов было много. Нам с Анатолием Кляном повезло тогда, мы даже ранены не были, хотя рядом снаряды и мины рвались. Нам просто рассказывали, что мы были на прицеле у снайперов, но они решили на курок не нажимать, потому что им в этот момент еды принесли, что ли. Разные были истории.

Особенно опасно было в Сараево: тогда город был окружен сербами, внутри сидели боснийцы, они друг в друга стреляли – это особенно опасно, такая снайперская война. И дороги были завешаны огромными полотнищами: штырями между собой шинелями и другими тряпками. Длинные ряды, чтоб снайпер не видел, кто едет. А где-то был разрыв между этой ветвью. И вот гонимый за рулем и понимаешь, что в любой момент в тебя пуля может попасть, и эти участки надо было проскакивать. На Чеченской войне тоже много разного было. Генерал Александр Лебедь нас два раза там забывал, а чеченцы ночью вывозили по зеленке. Причем каждый человек тогда стоил миллион долларов – могли же в яму посадить и миллион получить. Но, к счастью, этого не случилось.

– Повезло – ни разу не были ранены?

– Ну, в общем, повезло. И оператор Анатолий Клян со мной отработал 7 лет, а вот шальная пуля его настигла в 2014-м под Донецком.

На семи континентах

– Владимир Геннадьевич, что привело вас в журналистику?

– Наверное, случайность. Я всю жизнь был фотографом, и с детства у меня вся линейка «зеитовских» объективов была. Я собирался идти на фотоделицию. Тогда снимал мно-

го городских событий в Ногинске. Как-то ребята из газеты «Знамя коммунизма» попросили для публикации мой снимок. За это я, восьмиклассник, тогда получил гонорар – целых пять рублей. И это целая сумма: даже не пять рублей, а то, что твоя фотография с подписью – в газете. После публиковал заметки, фельетоны, стихи, и понеслось. Потом в армии писал статьи в газету «Суворовский натиск» Краснознаменного Дальневосточного военного округа, она до сих пор выходит. Тогда солдат получал 5 рубля 50 копеек, сержант – 7 рублей, а мне гонорары приходили по 20, 30, 50 рублей. Но я работал, даже не из-за денег.

Ну а потом – прямая дорога в журналистику. Я собирался идти на фотоделицию, но в МИУ было еще суперблатное международное отделение, куда брали только 30 парней и только из Москвы. Очень жесткие были условия. По сути, там был конкурс пап или мам. И тут так получилось, что всех мальчишек забирают в армию. А нам говорят: пройдите собеседование, может, попадете на международное. Я прошел собеседование и попал, поэтому в дипломе написано: «Журналист-международник. Телерадиовещание».

– Во время работы на телевидении вы объехали много стран. Большая была география съемок?

– Я побывал на всех континентах: в Антарктиде четыре раза был, на Северном полюсе, на дрейфующих станциях и почти всех островах Северного Ледовитого океана, совершенно экзотических. Около 100 стран мира, во многих работал подолгу. В Югославии в общей сложности почти 10 лет.

– Вы возглавляли службу документальных фильмов телеканала «Россия». Документалистика видна в телевизионном видео – она имеет свой какой-то вызов?

– Это, конечно, самый пик для тележурналиста, потому что новость живет день-два, а документальный фильм – это надо долго, если не навсегда. Настоящее творчество, когда можно подумать, сочинить красивый текст, смонтировать.

Я вот с удовольствием до сих пор смотрю на разных каналах фильмы, которые мы сделали за пять лет – больше тысячи. Я там в конце – самая последняя строчка: главный продюсер ТК «Россия» Владимир Соловьёв. Но сейчас документалистика в таких объемах уже не производится, она, как шагреновая кожа, сжималась за эти годы. В лучшее время у меня почти 40 человек было в редакции, три отдела, и мы делали почти 300 фильмов в год. У меня в неделю на телеканале «Россия» выходило 8 документальных фильмов – четыре утром, четыре – вечером. Это огромный объем работы. Затем их становилось все меньше и меньше – два-три фильма в неделю. Причем эфир в час, в два ночи. Шикарные работы, на которые миллионы рублей потрачены. Пришли новые люди на всех основных каналах, и количество документалистики резко уменьшилось. Что-то осталось на «Культуре» и «Звезде». А сейчас те, кто делает кино, делают это штучно и по специальным заданиям.

– Какая ваша любимая книга?

– Была такая серия – «Библиотека приключений», 20 томов. Вот я ее всю в детстве три раза прочитал. С тех пор путешествия зацепили меня на всю жизнь.

Война без правил

– Возвращаясь ко дню сегодняшнему: одна из главных тем Уральского медиафорума, который недавно прошел в Екатеринбурге, «Как проверить факты и разоблачить фейки». Сейчас, при таком мощном потоке противоре-

ДОСЬЕ

Владимир СОЛОВЬЁВ

Тележурналист, политический обозреватель, телеведущий, телепродюсер. Председатель Союза журналистов России с 25 ноября 2017 года. Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Родился в 1964 году в Ногинске Московской области. После окончания средней школы работал слесарем на Ногинском опытно-монтажном заводе монтажных приспособлений.
 ▶ С 1982-го по 1984 год – служба в армии.
 ▶ В 1990 году окончил международное отделение факультета журналистики МГУ им. Ломоносова. Работал корреспондентом Телевизионной службы новостей Центрального телевидения СССР, комментатором «Вестей» Российского телевидения (ВТРК).
 ▶ С 1992-го по 1997 год – собственный корреспондент РТРК «Останкино» в Югославии, заведующий отделением телерадиокомпании на Балканах. Обездрил все фронты югославских войн и соседние страны, работал под натовскими бомбардировками в Боснии и Косово. Двенадцать раз был в командировках на первой и второй чеченских войнах. Всего в качестве военного корреспондента прошел семь войн.
 ▶ В ноябре 2011-го по август 2012 года – заместитель руководителя ТПО «Россия-2» (ВТРК).
 ▶ С сентября 2012-го по июль 2017 года – главный продюсер Службы документальных фильмов телеканала «Россия» (ВТРК).
 ▶ С июля 2017 года – советник генерального директора ГТК «Телеканал «Россия».

чивой информации, это вообще невозможно?

– Все возможно, но для этого надо приложить старание. И многие СМИ, например, в начале программы говорят, что любую информацию от любой из сторон конфликта надо внимательно анализировать. Поэтому появились такие телерадио-каналы, сайты, где проверяются фейки. Надо понимать, что информация о военной спецоперации на Украине в основном закрытая, поэтому ее надо искать в разных источниках. Мы многого не знаем. Но так и бывает во время боевых действий, когда какие-то вещи рассказывать нельзя.

– Информационная война – это война без правил, где все средства хороши. Или все-таки какие-то правила существуют?

– В данном случае – это война без правил, абсолютно циничная. И, увы, самые элементарные законы нравственные, законы человеческие и этика журналистика, конечно, нарушаются вне всяких сомнений. Особенно с украинской стороны это происходит, хотя им помогает вся совокупная мощь западных СМИ, западных разведок и западных структур, связанных с пропагандой.

Психология паники

– Еще с университетских времен многие журналисты знают цитату Ленина: «Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также коллективный организатор». Впрочем, как и любое СМИ. Это актуально сейчас?

– Наверное, это всегда актуально, потому что именно из прессы общество узнает о важнейших вещах. Приведу пример с пандемией: сначала все испугались, а потом – именно пресса начала подробно разъяснять, что из себя представляет COVID-19, какие меры профилактики надо соблюдать, где сделать прививки и т.д. Этим как раз занимались журналисты. В условиях проведения спецоперации значение СМИ, наверное, не меньше, потому что в данном случае наша задача – успокаивать людей.

– Впервые в программе Уральского медиафорума бы-

ла лекция «Психология паники. Как сотрудникам СМИ справиться с тревожностью». Её читал клинический психолог. Значит ли это, что психика журналистов не выдерживает такой профессиональной нагрузки?

– Сейчас многим психологически сложно. На медиафорумы мы привозим специалистов, которые рассказывают, как успокоить себя и других, как уберечь от психологического перегрева. И мы от имени Союза журналистов всегда призываем коллег в подобных ситуациях соблюдать кодекс этики журналиста, не раздувать панику, многократно проверять информацию, потому что от слова в такие времена зависит очень многое.

– Говорят, что с войны невозможно вернуться: либо ты остаешься на поле боя, либо война остается в твоей голове. Как вы, в свое время, боролись с войной внутри себя?

– Я знаю достаточно много наших коллег, которые подсаживаются на этот адреналин и потом с трудом работают в мирной жизни. Им всегда не хватает такого жесткого адреналина, жесткой тематики, и они стремятся в какой-то следующий конфликт попасть обязательно. У них это становится жизненной необходимостью.

У меня такого нет. Я много войн прошел, но, если не надо ехать на войну, я туда не поеду, то есть желания такого нет, потому что насмотрелся много всего и понимаю, что война – это кровь, грязь и самое страшное, что бывает на свете.

Журналист – не солдат

– Журналиста, находящегося в зоне боевых действий, можно приравнять к солдату?

– Наверное, нет. Журналист не имеет права держаться в руках оружия, журналист не должен стрелять, он должен заниматься сбором и носением информации до своей аудитории, поэтому приравнивать его к солдату не надо. В свое время был у нас совместный форум Союза журналистов и Народного фронта в Калининграде, меня тогда попросили его модерировать. Там был разговор с Владимиром Путиным. Мы тогда хотели добить-

ся каких-то специальных мер для наших коллег, которые постоянно работают в горячих точках. И я спросил у президента, стоит ли приравнивать таких журналистов к участникам боевых действий. Он сказал – нет, потому что журналисты не имеют права держаться в руках оружия. Хотя в той же самой Сирии военные повара и почтальоны получают такой статус. И он сказал, давайте посмотрим, придумаем какие-нибудь другие формы, чтобы поддержать наших коллег, которые постоянно работают в опасных местах. И мы совместно с нашими коллегами, которые сейчас работают в зоне военных действий – Евгений Поддубный, Александр Сладков и другие, – разработали меры поддержки, которые вошли в закон. Теперь, в соответствии с этим документом, за журналистов в горячих точках отвечает редакция. И в случае их гибели руководство должно заплатить семье два миллиона рублей, ну и много там еще всего. То есть вот в такой форме была проявлена забота о тех, кто работает постоянно в горячих точках.

Репортаж не стоит жизни

– Имеет ли право журналист высказывать свое мнение о военных действиях, или он должен быть беспристрастным?

– В новостной программе – это просто передача информации. Но на практике в таких ситуациях сложно не проявлять эмоции. Если это итоговая программа, там больше собственного мнения. Оно очень важно для зрителя или читателя, потому что это переживания человека. Вот посмотрите, как Александр Сладков, который сам офицер, делает свои репортажи, как он разговаривает даже с пленными, с военными. Это очень ценное знание, поэтому туда надо посылать только людей опытных.

– О чем должен рассказывать в первую очередь о мирных жителях, о какой-то из сторон конфликта?

– Каждый раз задание разное. Иногда бывает, что задания нет, и как говорится, что вижу, о том пишу. И как раз это бывает интересное все. Журналист что-то увидел, с кем-то поговорил, где-то там стреляют, где-то что-то происходит – реальная жизнь. Но есть задания специальные, например, заниматься беженцами, военными и так далее. Или найти человека и взять лично у него интервью.

– Что бы вы сказали журналистам, находящимся сейчас на Украине, в зоне боевых действий?

– Ребята, берегите себя, вернитесь домой здоровыми и живыми. В азарте иногда не замечается опасность. Старайтесь следить и за собой, и за коллегами. Вот мне в свое время приходилось оттаккивать телеоператора, который слишком увлекся съемкой, а в это время рядом пули обстучку шлепали. Многие журналисты сейчас снимают на мобильных телефоны, отвлекаются и тоже рискуют. Я хочу сказать, что ни один репортаж не стоит жизни.

Антон СТУЛИКОВ,
Екатерина ХОЖАТЕЛЕВА

Собственный корреспондент РТРК «Останкино» в Югославии Владимир Соловьёв и оператор Анатолий Клян. Монастырь Грачаница, Косово, 1994 год

“ Оператор Анатолий Клян со мной отработал 7 лет, а вот шальная пуля его настигла в 2014-м под Донецком...

